«ОБЛОЖЕНИЕ ИЛИ СТРАХОВАНИЕ?»

Революция 1917 года круто перевернула жизнь в России, но она не смогла полностью уничтожить или даже кардинально изменить годами сложившиеся социально значимые институты. Дольше всех сопротивлялось страхование.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

На фоне незамедлительной национализации советской властью коммерческих банков, промышленности, транспорта и связи, к захвату страховых акционерных обществ и земских обществ взаимного страхования большевики подошли более осторожно. Вероятно, одной из причин стало постепенное осознание и признание общественной важности страховщиков, чья деятельность затрагивала имущественные интересы практически всех слоев населения России.

Лишь в марте 1918 года был введен государственный контроль над страховыми организациями. Задачу возложили на Совет по делам страхования, который возглавил известный большевик М.П. Елизаров, имевший до революции опыт работы генеральным агентом страхового акционерного общества «Якорь». Под лозунгами защиты прав застрахованных, Совет стремился постепенно изъять все активы страховых обществ, в том числе зарубежных. Не менее важной задачей Совета стала перестройка деятельности более 1500 земских обществ взаимного страхования. Их нужно было заставить работать на новую власть.

28 ноября 1918 года Декретом Совнаркома РСФСР «Об организации страхового дела в Российской республике» страхование было объявлено государственной монополией и достоянием РСФСР. Но вплоть до конца 1921 года государственный орган,

уполномоченный управлять этой монополией, так и не был создан. Время правового безвластия привело к разграблению и фактическому уничтожению страховой индустрии. Советская наука оправдывала исчезновение в те годы самого понятия «страхование» гражданской войной, политикой военного коммунизма и отсутствием товарно-денежных отношений.

Есть две версии, почему коммунисты задумались о роли страхования в экономической политике молодого государства. Одна из них — письмо В.И. Ленину от крестьян Весьегонского уезда Тверской губернии в начале 1921 года с просьбой возобновить работу земского страхового общества. Официального подтверждения этой версии нет, но донести просьбу могли и ходоки из Тверской губернии, возможно, послужившие прототипами героев хрестоматийной картины советского художника Владимира Серова «*Ходоки у В.И. Ленина*».

6 октября 1921 года вышел Декрет Совнаркома РСФСР «*О государственном имущественном страховании*», создан уполномоченный орган — «*Госстрах*». Декрет восстановил окладное страхование строений, крупного рогатого скота, а посевов — исключительно по решению местных властей. Разрешили «сверхокладное», то есть добровольное страхование, способное покрыть полную стоимость имущества. На старте новые правила были гораздо прогрессивнее условий земских страховых организаций.

Алексей Разуваев

Инициатор создания Национального музея российского страхования

ГОССТРАХ

В марте 1922 года ЦК ВКП(б) выдвинул на пост Председателя талантливого и энергичного большевика Доминика Ивановича Ефремова. Далекий от страхования, он за счет удачных экспериментов и личных деловых качеств в условиях жесточайшей разрухи и голода организовал восстановление страховых технологий на селе.

Д.И. Ефремов активно использовал опыт специалистов земских обществ взаимного страхования, назначал их уполномоченными на местах. Он дал толчок развитию нового для России добровольного страхования имущества сельского населения, предложил идеи развития «народного» страхования, которые во многом реализовали в страховых системах союзных республик.

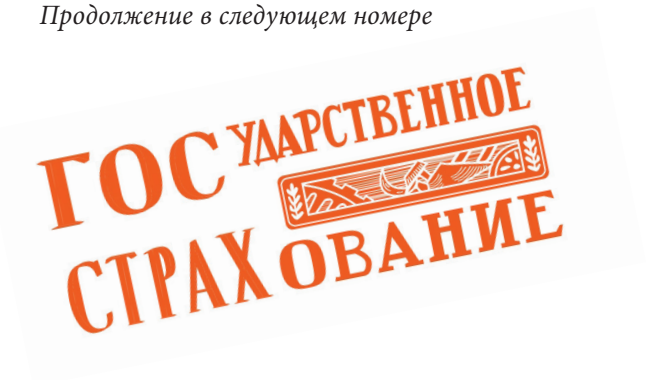
Дальнейшая история советского страхования развивалась «как всегда».

Обязательное окладное страхование на селе — самый массовый вид, призванный формировать страховую культуру и мышление. Однако население и государство восприняли его фактически как косвенный налог. Госстрах входил в структуру финансовых органов («органы» — ключевое слово) и являлся составной частью фискальной системы страны. Собирая и аккумулируя огромные средства населения, организация не могла самостоятельно ими распоряжаться. Подразделения Госстраха существовали в режиме жесткой экономии средств на ведение дела, передавая бюджетам разных уровней практически всю прибыль, а страховые резервы и запасные фонды являлись значительными источниками инвестиционных ресурсов государства. Загнанная в такие условия, система не могла и не хотела развивать новые направления страхования. В СССР не страховали промышленные предприятия и любые виды ответственности. Мы были едва ли не единственной развитой страной в мире, где не страховали гражданскую ответственность владельцев средств повышенной опасности (ныне ОСАГО).

Можно только догадываться, каких усилий требовала работа, которую проводили сотрудники Госстраха. В круг их обязанностей входили учет и оценка объектов, подлежащих обязательному страхованию, сбор страховых платежей и недоимки, организация добровольного страхования, работа по определению и компенсации ущерба. При этом над каждым сотрудником висел «его величество план», невыполнение которого нередко рассматривалось, как саботаж. Наиболее трудоемким и конфликтным был период «окладной компании»: с декабря и до начала весенних полевых работ проходили начисление страховых платежей, сбор платежей и взыскание недоимки.

Неправильное донесение смысла и значения страхования вызывало у селян злобу и негодование, как, впрочем, и многое другое, что допускала советская власть на местах. Многие крестьяне в 1920-30-е годы еще помнили о работе земских страховых обществ, когда реально возмещали ущерб, вели строгий учет собираемой премии, а смысл окладного страхования доносили малограмотному деревенскому жителю в сравнении с окладом на иконе, который ее защищал.

В моей коллекции хранится памятка-инструкция, датированная 1913 годом, для агентов земских обществ, проводивших учет строений в Тверской губернии. «…*Мы пришли не налогом вас обложить, но окладом покрыть ваше хозяйство*» — эти слова были понятны и имели свой эффект. В рекламных плакатах того времени, сохранившихся в частных коллекциях, встречаются изображения крестьянских подворий в обрамлении резной рамы церковного киота.

Термин «*окладное страхование*» в 1918 году был автоматически перенесен в новую историю, хотя многие базовые термины, включая «*страховой полис*», «*страховая премия*», надолго исчезли из профессионального лексикона, так как считались буржуазными. Думаю, что слово «окладное» не вызывало у большевиков отторжения именно потому, что в значении «обложить» нравилось им больше, чем «защитить». Позднее окладным назвали и обязательное страхование имущества сельскохозяйственных предприятий.

Продолжение в следующем номере